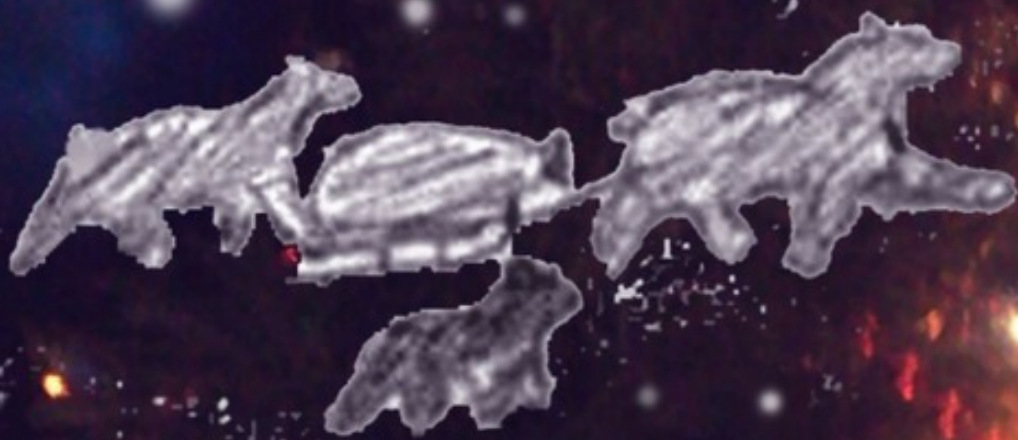

Софья Яковлева
(Соня Саарви)

Я ищу
Новый Год

Софья Яковлева

Я ищу Новый год

«Издательские решения»

Яковлева С. С.

Я ищу Новый год / С. С. Яковлева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960711-9

Новогодняя повесть из серии «Мы и большое озеро». Настя подросла, ей уже двенадцатый год, и в голове возникают разные вопросы. Но приближается праздник, и Настю захватывает предчувствие чуда. Только теперь новогодние чудеса открываются ей с новой стороны. В повести есть место и атмосфере праздника, и музыке, и настоящей лесной сказке. Рисунки автора.

ISBN 978-5-44-960711-9

© Яковлева С. С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Скоро, скоро	6
Глава 2. Волшебство	8
Глава 3. Мы делаем ёлочные игрушки	10
Глава 4. Три Медведя	13
Глава 5. Начало	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я ищу Новый год

Софья Сергеевна Яковлева

© Софья Сергеевна Яковлева, 2019

ISBN 978-5-4496-0711-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Скоро, скоро

Зима приходит уже в ноябре. И не какой-нибудь там первый снег, а настоящая всамделишная зима. Она приносит с собой синие, можно даже сказать ультрамариновые вечера. Заставляет вынимать из шкафов горы прошлогодней одежды. Делает свет фонарей колючим как ледышки и щиплется за нос. Зима дует на стёкла, а к картинам на окнах каждый день подрисовывает новые узоры.

Красиво она рисует. Я так не умею.

Самые лучшие картины у нас в большой комнате. Целые заросли удивительных инопланетянских растений. А в детской окно всё больше и больше затягивается матовым инеем с искорками.

Я всё хочу понять, как эти узоры в большой комнате сделаны. Мы с Лёкой прилипаем носом к стеклу и разглядываем перистые завитки. А мама говорит: «Смотрите, носы примёрзнут!»

«Не примёрзнут», – отвечаем мы.

Ведь узоры не на этом стекле, а на том. Которое ближе к улице. Особенно красиво, когда закат. Тогда растения превращаются в сверкающие перья жар-птицы. А потом они постепенно становятся из оранжевых ярко-синими, будто кто-то раскрасил их синей краской.

Но скоро к этому привыкаешь. Как и к тому, что рассвет начинается только на втором уроке, а закат – скоро после обеда. Когда ещё даже не пора в музыкалку. И вот в эти-то дни у нас в шкафах начинают появляться таинственные свёртки. Консервных банок в доме становится заметно больше. Но мама делает вид, будто ничего не происходит. А сама время от времени задумывается и считает, загибая пальцы.

– Маша, Саша, Кирилл, Олега...

– Мама, а что ты считаешь? – Спрашиваю я.

– Подожди, не перебивай. Видишь, я сбилась. Маша, Саша, Кирилл...

* * *

И вот наступает декабрь. Деревья присыпаны хрустальной пудрой. Тропинку к школе протаптывают заново каждое утро. Над школьным забором горит голубой фонарь, а впереди светятся громадные окна.

На снегу – синие тени и глубокие следы. Тоже синие. В вышине над нами три тополя. Они сверкают в электрическом свете как волшебные замки.

Впереди идёт дяденька, везёт на санках мальчишку.

А у нас с Лёкой на шальных вокруг лица иней. Хорошо, что недалеко идти. Я смотрю на эти огромные тополя и думаю: вот бы нарисовать. Чтобы такое тёмно-синее утро, воздух сладкий с горчинкой, немножко больно дышать. Вдалеке светятся красные огоньки на трубах. В тополиных ветках запуталась утренняя звезда. А свет школьных окон почти уютный. Не то, чтобы совсем уютный, а вот именно, что почти.

А как передать, что это не вечер, а именно утро? И что скоро между домами вон там, далеко-далеко, начнёт светиться оранжевая полоска? Ведь пока ничего не светится! И эта звезда в вышине, и сверкание тополей. Как их нарисовать?

* * *

А однажды я иду из продуктового и вижу картинку в витрине «союзпечати». Простая открытка: еловая ветка и шарики. Ничего особенного. Только внутри р-р-раз вдруг, как поезд. Чух-чух-чух, тронулся и поехал. Вспомнились ни с того ни с сего снежинки из бумаги, сугробы из ваты, гуашевые рисунки на стёклах. И металлофон из мешка с подарками. И старинные флажки на верёвочке, а на флажках разные картинки: медведь с контрабасом, козёл с гар-

мошкой – вот ведь придумал кто-то... И такой запах... Такой, которого в обычное время и не бывает вовсе.

А ещё мандарины, грецкие орехи в фольге, свечи и открытки. И вечера, когда можно рисовать сколько влезет. И конечно, печенье, и всякие сладости. Гости, салаты и телевизор. Что же такое Новый Год? – думаю я. – Это сладости и салаты? Или получать подарки? Или, может быть, весёлые передачи по телевизору? Весёлые взрослые? Мультки и сказки целый день? Или всё дело в гирляндах и ёлочных шариках?

Хоть мне уже одиннадцать, а вдруг так захотелось праздника. Прямо так сильно – даже как будто живот заболел. Но это же развлечение для младшеклассников. Разве может такая взрослая девица ждать Нового года как маленькая?

Правда... Ох! Новый год – это же песни-пляски всякие... Огоньки-хороводы. По правде говоря, я стесняюсь. Щёки краснеют как помидор и в животе схватывает. Очень мне надо, чтобы все видели, как я краснею!

А взрослые ещё всегда начинают: «Спой да спой». Так-то я люблю петь. У себя в комнате. Когда никого нет. Ну, в хоре ещё, где нас много. А если все на тебя смотрят, какое уж тут «петь». Хуже, чем у доски в классе.

Чем ближе Новый год, тем больше я задумываюсь. Уже не о пении. А вот наступит тридцать первое. Мы поедем к Галеевым. Взрослые устроят нам праздник. Надарят всяких штук. Будет вкусная еда. Серпантин бумажный. Здорово!

Но ведь... Раньше я маленькая была. А теперь хочется чего-то другого. Чего-то непонятного. Вот бы такой праздник устроить, чтобы сказка пришла по-настоящему. Не-по-куп-ная...

Глава 2. Волшебство

Однажды вечером мама открыла папин секретер. Я люблю, когда его открывают. Потому что там, в пахнувшей загадками полутьме, живут самые таинственные из книг. Их разрешают рассматривать только аккуратно и за столом. А не на полу или в кровати, как я люблю. И, естественно, если уроки сделаны.

Зато когда открываешь какую-нибудь из этих книг, то попадаешь в таинственный мир.

Где жуки – это не какие-то там незначительные букашки, а очень важные и сложно устроенные организмы. Где можно посмотреть, как выглядят микробы. Как делятся клетки и питается улитка. Где можно подолгу рассматривать разных животных и птиц. А в Энциклопедии – вообще узнать про всё на свете, хоть и помаленьку.

Ещё в том волшебном секретере есть разные хитрые штуки из прежних времён. Набор колб и пробирок, как у настоящих химиков – или волшебников. Папины рисунки. Альбомы с фотографиями. Сломанный фотоаппарат.

И большая пачка с открытками. Их начали собирать ещё до того, как родились наши мама и папа.

И вот сейчас мама достала эту увесистую пачку, потому что Лёке велели принести в школу несколько открыток на новогоднюю тему. Мама с удовольствием шлёпнула это расписное богатство на стол. Я тут же устроилась вместе со всеми.

«А уроки?» – спросила мама.

«Я всё», – сказала я. Ну а что, если завтра только русский, рисование и физра. Русский-то я всегда делаю быстро. Главное не забыть и написать покрасивее.

И мы принялись за открыточную башню.

Бабуля пила чай в своём любимом кресле, брала по одной карточке, читала надписи и рассказывала.

Про то, как они жили в городе Красноярске после войны. Какие там холодные зимы – даже холоднее, чем у нас.

Как переехали в наш город.

Про комнату в гостинице «Большой Урал». Они там не гостили, а просто жили. Про то, как стирали в тазике, а готовили в общей кухне. И про маленькую маму, как она каталась по этому коридору на чьем-то деревянном самокате и играла с мальчишками в заштопанный мяч, когда их почему-то не пускали на улицу.

И как они уронили мяч из окна и попали в какого-то очень важного дяденьку. А дяденька оказался весёлый и никого не наказал, только маме от бабули попало.

И про Банный день. Про горячую воду, которую котельная грела раз в две недели. И во всём коридоре тогда от пара стоял настоящий туман. И они готовились к банному дню как к празднику. А потом везде, по всему общежитию, висело бельё, и здорово было сидеть в полотенце, сохнуть и ужинать вкусной картошкой с чаем и чёрным хлебом.

А мы пока выбирали из этой стопки новогодние открытки и делили на кучки.

* * *

В первой кучке были совсем старые открытки. Чёрно-белые и раскрашенные от руки. Мама сказала, что они самые ценные, потому что это – уже история.

Во второй кучке по открыткам скакали олени, бродили рыси, лисицы. На еловых лапах сидели пушистые белки. В снегу – зайцы с большими блестящими глазами. Солнце пробивалось сквозь лесное кружево. Взмахивали крыльями снегири. Свиристели и синицы устраивались на ветках рябины...

Нам с Лёкой эта кучка нравилась больше всего.

Рядом была стопка с еловыми ветками. Там мерцали свечи, переливались шарики, дождик и мишура. Искрились бенгальские огни, а разные часы показывали без пяти двенадцать.

В четвёртой кучке оказались деды Морозы со Снегурочками. А также снеговвики, космонавты, фигуристы и разные смешные зверята, которые дарят друг другу подарки.

И была ещё одна кучка, куда мы собрали всё, что не влезло в первые. Кремль, расписные сани, машины с ёлками, уютные домики и высотные дома в огоньках.

Я уже и забыла, что я большая, и что нужно думать о серьёзных вещах. Вот ведь, вроде бы, просто картинки: бумага и краска. Но есть в них что-то волшебное.

На следующий день я пообещала себе не думать про Новый Год. Мне ведь всё-таки целых одиннадцать лет! Но вечером мама достала из сумки какую-то блестящую трубочку. Сплюснула руками с концов, и вдруг оказалось, что она держит за подвеску фонарик из зеркальной плёнки. Рыжий Тима с висячими, как у собаки, ушами запрыгнул на кресло и тронул фонарик лапой. Тот закачался. И по комнате полетели искры.

– А мы такие ещё в садике делали, – неожиданно для самой себя сказала я.

– А как? – тут же спросила Лёка. – Как? Ну ка-ак!

– Ой, вы-то как будто не делали?

Лёка сжала кулачки и приготовилась разобраться со мною по-свойски.

– Настя, не дразни ребенка. Расскажи. А лучше давай-ка, покажи.

– Да, покажи, – сказала Лёка.

И я, притворно вздохнув, скорее пошла за бумагой.

– Ну На-астя! Ну кто так делает? – Сказала мама, через некоторое время входя в комнату. – Надо сначала линейку... Где у вас тут линейка? Давай, неси линейку. Ну-ка подвиньтесь, мадамы.

Это был отличный вечер. Мы втроем с мамой придумывали, вырезали и клеили. И когда мама сказала «спать», у нас уже была небольшая коллекция разноцветных фонариков, плетёнок и сундучков. Только бы назавтра они не раздумали.

Глава 3. Мы делаем ёлочные игрушки

Назавтра мама принесла бархатную бумагу, фольгу и картон «для творчества».

Сначала мы клеили гирлянды из бумажных колечек – для школы. А потом принялись фантазировать. На столе выстроились хороводы снежинок, пиратские сундучки, домики и хор, который я вырезала из бумаги. С роялем и хоровичкой.

Но что хор. Вырезал, поставил и радуйся. Я решила смастерить часы с секретом.

Такие часы, чтобы все ахнули!

Чтобы у них были подвески в виде луны и звёзд. И дверцы, как на театре Образцова. Чтобы эти дверцы сами открывались, когда на них укажет большая стрелка. А изнутри высывалось бы какое-нибудь животное.

Но непослушные картон и бумага то вставляли дыбом, то расплзались в разные стороны. Я пробовала приделывать к дверкам нитки. Эх, как же они, эти настоящие часы устроены? Стрелки пришлось просто приклеить.

Вот фигурки животных из бархатной бумаги получились на славу. Но фигурки – это же не часы!

– Не получается, – сказала я. – И циферблат какой-то кривой.

Мама посмотрела и говорит:

– Это потому что без циркуля и транспортира.

– Опять математика, – возмутилась я. Что ни придумаешь интересного, обязательно получается математика.

– И клей кругом, – добавила мама.

Тогда я надулась и сказала, что у Лёки-то вон как размазано.

А Лёка принялась хныкать и говорить, что ничего не размазано.

А мама сказала, что я ну просто ужасно упрямая.

Тогда я немного подумала, посмотрела на циферблат...

И сказала, что раз так, то пусть мама поможет мне с транспортиром.

А мама сказала, что пусть я сама подумаю.

Думать не хотелось. От мысли про транспортир настроение улезло куда-то под стол. Но когда мама сказала, что надо просто углы разделить от центра, я вдруг быстренько всё посчитала и расчертила.

Только было уже поздно, Лёка начала засыпать прямо в кресле, и пришлось закругляться.

На следующий день, в пятницу, Лёка с мамой принялись за открытку для школы. Они наклеили на альбомный листок тёмно-синюю новогоднюю ночь из цветной бумаги. Нарезали старую мишуру и прилепили к небу звёзды. Приделали жёлтый месяц на кусочек стиральной резинки, и месяц получился объёмный. Потом приклеили снег из ваты. А в снег поставили домик. Тоже объёмный, с весёлым жёлтым оконцем и дверью, которая открывалась. Теперь они принялись за объёмную ёлку. Для этого надо было вырезать три одинаковых ёлочки. «И склеить их так, так и так», – объяснила Лёка.

И пока я смотрела, как они вырезают и клеят, ко мне в голову пришла мысль. Я за эту мысль ухватилась и немного подумала с разных сторон.

Надо смастерить всем подарки! Каждому по мешочку подарков. Вот тогда будет праздник так праздник.

Я притащила папин этюдник.

Во-первых, для каждого надо нарисовать по особой новогодней картине... Самое лучшее для рисования этих картин – масляные краски. Они сохнут долго, зато яркие, объёмные, и легко смешиваются!

Пусть даже они будут совсем небольшие, эти картины. Величиной с открытку.

– Это тётё Эмме, – пробормотала я, покрывая белилами первую картонку.
– Настя, а что ты делаешь? – тут же спросила Лёка.
– Секрет! – быстро сказала я и спряталась за этюдник. Лёка проползла по дивану вдоль стола и стала заглядывать.
– Не смотри! – сказала я.
Ну что она, не понимает что ли!
– Настя делает подарки. – Сказала мама. – Видишь, она не хочет, чтобы смотрели.
– А я хочу! – сказала Лёка.
– Ну Лёка, ну пожалуйста! – сказала я, – ну это пока секрет. Потом увидишь. На Новом Году.
– А я хочу сейчас! Дай посмотреть! Ну дай!
– Лёка, подожди, – быстро сказала мама. – Так ведь будет неинтересно. В Новый Год всё увидим. А вот мы с тобой тоже будем делать подарки.
– Секретно!
– Ну да, секретно.
– И никому не покажем до Нового года, – сверкнула глазами Лёка, – даже Настьке.
– Ведь так же интереснее будет! – сказала мама.
Лёка немного подумала и согласилась.
– Это будет тётё Эмме, – зашептала она, и я вернулась к своим открыткам.
* * *

А в понедельник утром мы заболели. Делать ничего не получалось. Мы тихо валялись под одеялами, глотали таблетки, дышали сосновыми почками и пили малиновый чай. Мама с бабулей говорили, что по школе «ходит простуда», а мне простуда представлялась хмурой худой тёткой в белом халате. Она ходила туда-сюда по нашим школьным коридорам и пахла лекарствами. Дышать было больно.

Только на четвёртое утро мне захотелось выбраться из-под одеяла. Мама была на работе. Бабуля налепила на меня перцовый пластырь, велела хорошо себя вести и ушла в магазин.

Под внимательным Лёкиным взглядом, я откинула своё одеяло и осторожно встала босыми ногами на пол. Голова почти не кружилась, моментально нырять обратно не было никакого желания. Я сделала шаг от кровати, потом ещё один, представляя, что это я отчаливаю от берега в море. Рыжий вислоухий морской котик с любопытством глядел на меня, обвив лапы совсем не морским хвостом.

– Настя. Тебе что бабуля сказала, – строго пробурчала Лёка из-за своего одеяла.

– Я сейчас. Только быстренько, и сразу вернусь. – Сказала я и закашляла. Голос был хриплый.

Вернулась я с этюдником, картонкой, бархатной бумагой и книжкой про Маугли. Тогда Лёка попросила принести ей «ту красную папку с завязочками, ножницы, и клей». И вскоре сосредоточенно засопела над своими подарками. Я тоже приступила к работе. Для мамы у меня получилась ёлочка. Такая нарядная, светящаяся ель-красавица посреди ночного зимнего леса. Основу я нарисовала ещё до болезни. Теперь она высохла, и я разбрасывала по тёмно-зелёному фону яркие разноцветные шары и фонарики. Намечала бусы и прозрачным слоем обводила всё, что должно было блестеть и светиться.

И ещё – по одной крошечной точке белил на каждый огонёк или шарик! Я сама удивлялась, как получилось живо. Мне уже не терпелось поделиться с кем-нибудь, да хоть бы и с Лёкой. Но тогда получится, что я сама первая не утерпела.

Было как-то неловко начинать разговор. Как вдруг Лёка сипло сказала:

– На-астя-а.

– Чего?

– А давай подарки посмотрим?

Настала тишина. Я сказала:

– Это же секрет.

– А мы наши, которые нам, не будем показывать. Ну давай.

Тогда я взяла все открытки, которые были готовы, – кроме Лёкиной, разумеется, – осторожно прихватила за края мамину, с ёлочкой, и перелезла к Лёке на кровать.

Лека сказала «ух», сосредоточенно запыхтела и тут же принялась обезьянничать: «а для тётки Нины я сделаю ёлочку, а для мамы – ветку с шариками...» Раньше меня это злило, а теперь почему-то нет.

Наоборот, я сама с удовольствием разглядывала Лёкины подарки. И какая-нибудь простая-препростая принцесса в кривом платье нравилась мне гораздо больше, чем мои собственные изысканные картинки. Как будто Новый Год именно тут и есть, в её простых первоклашкиных поделках.

Глава 4. Три Медведя

Дверь морозно хлопает. Деревянный стук и пружинный скрип исчезают не сразу. Как будто на мгновение примерзли к воздуху. Соседской машины во дворе не видно. Пусто и тихо.

Мы вывалились из подъезда в своих мохнатых шубах как Три Медведя. Топчемся на крыльце. Мама говорит, что вот, у нас шубы искусственные, а мне всё равно. Ну и что в том такого, что искусственные?

«Вот, – говорит мама, – Элка отдала мне свою старую, каракулевую, но она такая тяжёлая. Сил нет. Так в шкафу и висит».

А мне даже нравится, что искусственные. Зато мы похожи на трёх медведей. Мама и я – коричневые, а Лёка – чёрный такой медвежонок.

Поднимаю голову и вижу тень – бабуля смотрит на нас из окна, провожает. Мы помахали.

Скоро к ней приедет тётя Тамара.

А мы спускаемся с крыльца на скрипучую дорожку. Здесь темно. Мама устраивает огромный мешок на санках, а мы с Лёкой несём рюкзаки – ну словно на Таватуй собрались. Только рюкзаки не такие тяжёлые. Снег искрится под фонарём. А мне почему-то кажется, что этот вечер – особенный. И люди кругом все особенные.

Где-то в стороне плывёт желтоватое лунное яйцо. Оно время от времени выглядывает из-за крыш.

А в окнах начинают загораться гирлянды. Разноцветно мигают то тут, то там. Вон рубиново светит звезда. В овощном дождик и мишура. Под мишурой очередь. Всё это видно в громадные стёкла, словно в аквариуме.

А трамвая нет и нет. Мама волнуется. Скоро половина восьмого, а мы ещё и до автобуса не доехали. Я удивляюсь: половина восьмого! Мне казалось, уже часов десять. Так долго мы собирались. А потом сидели с бабулей – провожали Старый год.

Перед нами бубнил телевизор, а мама всё вскакивала, суешила, проверяла манники в духовке – один бабуле с тётей Тамарой, а один – нам, с собой. И пихала что-то в полный мешок. И проверяла по списку в своей записной книжке.

И вот, наконец, мама сказала: «Ну, готово!» А мы с Лёкой вручили Бабуле по свёртку, поцеловали её и строго-настрого велели открыть только после Нового года.

Раньше мы к Галеевым ехали через весь город – на куче разных трамваев с пересадками. Это было настоящее путешествие. За такое большое время я всегда успевала придумать какую-нибудь историю. А Лёка – поспать, поканючить и поиграть со своим рыжим тряпичным котенком.

И тут мама открыла этот тридцать третий автобус. «Полчаса, и мы на месте».

Я сначала не слишком-то обрадовалась.

Во-первых, в автобусе меня часто укачивает. И пахнет бензином.

Во-вторых, этот автобус едет по таким тёмным коридорам из высоких заборных стен, что становится не по себе.

А в-третьих... Ну, а как объяснить это моё «в-третьих»?

Это «в-третьих» означает, что путешествие делается совсем коротким. И тогда выходит, что не в таком уж мы и далеке живём от Галеевых. А это попросту неинтересно.

Но что делать: наша мама любит вот так раз-раз, побыстрее. Зачем, говорит, время на дорогу тратить, если можно потратить его с Галеевыми. Вообще-то и правда, зачем.

Да и на тридцать третьем загадочности хватает. Заборы с обеих сторон высоченные, будто мы едем по лабиринту. Не видно ни людей, ни домов. Машины редкие-редкие. И фонарей почти нет. Настоящий тоннель времени, как в фантастических книжках. Названия тоже странные: «холодильник», «овощебаза», «вторая проходная», «завод алюминиевых изделий».

И вдруг после всего этого – свет. Фонари. Дома. Светофоры.

Сияют перекрёстки. На улицах люди... Но это уже другая планета. Галеевская.

К тому-то космическому автобусу и привёз нас гремучий трамвай с белыми окнами. Такой морозный, что мы не стали садиться, так и простояли несколько остановок, переминаясь с лапы на лапу.

* * *

На автобусной остановке скопился народ. Все недовольно косятся друг на друга. Новый год, а они косятся. И чем дольше ждут, тем больше косятся. Покряхтывают.

– А она вообще тут со своим мешком, – говорит какая-то тётя. Мама пожимает плечами и отходит вместе с нами в сторонку. У меня уже нос щиплет от стояния, я тру его варежкой. Лёка спрятала нос в свою шаль. «Настя. Закройся, – говорит мама, – а то отморозишь щёки опять». Я не хочу отморозить. Бабуля нам на дорогу намазала лицо специальной помадой. Но всё равно воздух щиплется. Приходится закрываться платком. Тётя всё бурчит. Мне хочется понять, что за тётя такая, но мама велела стоять рядом и не отходить.

Через какое-то время толпа облегченно вздохнула, выпустив облачко белого пара. Пришёл автобус. Маленький, кривобокий. Навис над нами, открыл двери гармошкой, а пол и ступенька такие скособооченные, сверху-вниз на нас смотрят. Даже ступить туда страшно, не удержишься и обратно из двери на землю съедешь. И под этим скособооченным полом что-то длинькает. Динь-длин-дилинь, динь-дилинь... Но думать некогда. Все посмотрели секундомер на эту кособокость, и вдруг как полезут. Мама быстро санки схватила, мешок, и давай нас в автобус закидывать.

«Товарищи пассажиры. Держитесь за поручни», – говорит сердитый водитель в микрофон. Свет почти не горит, а ещё и мигает. Мотор всё длинькает. Народ упикивается как может, и тут тётя опять откуда-то со стороны: «А ещё эта со своим мешком. В шубе. Богачка!» Мне почему-то стыдно. Не скажешь ведь ей, что это на всех. Что там и еда, и подарки, и наши специальные платья, которые мама сама шила.

«С мешком. Встала тут».

Странно. Тётя была тоже в шубе. Да и какая же мама богачка?

– Буржуйка, – сказала тётя громко, она уже пролезла дальше, и мы ей совсем не мешали.

– Прекратите. Вы видите, я с детьми! – строго сказала ей мама. А дяденька, похожий на дядю Валеру, который самолеты чинит, только постарше, подмигнул мне и тихо сказал: «не слушай ты её». Мама тоже сказала: «не слушай. У человека настроение плохое».

Тётя снова начала говорить про буржуев, но тут на неё зашикали, и она ворчала всю дорогу себе под нос. Пока не вышла на «Звёздочке». И одну остановку мы проехали в тишине. Нам даже место уступили – целое сиденье, а то бы пришлось держаться за железные трубки изо всех сил. Народу-то стало поменьше, и мы со своим мешком и санками начали скатываться под уклон.

А когда мы вышли, то я поняла, что в автобусе было тепло.

Хрустальный холод тотчас закусал нос и щёки, снова взялся за варежки и сапоги.

«С-с-с», – сказала я и переступила ногами.

– Вот. Не захотела валенки, – сказала мама, – Лёка в валенках, и как хорошо. Да, Лёка? Свёрток из шубы и шали слегка шевельнулся.

– Да ну. Мама, ты сама в ботинках, – сказала я.

– У меня-то ботинки с войлоком, – сказала мама, – как у валенок. А иначе я бы так в валенках и ходила. Помнишь, как в прошлом году...

Мама снова устроила на санках мешок.

Теперь, после тьмы за автобусными стеклами, нас окружали лабиринты огней до самого неба. Я всё не могла сообразить, по какой же тропинке между этих огромных стен с тысячами окон надо войти? Мама показала рукой: «вон туда».

– Мама, хочешь, я повезу, – сказала я и опять помялась от холода.

Вообще-то с мешком вышло не очень удобно. Мы забыли верёвку, и по дороге нам с Лёкой приходилось его постоянно придерживать.

– погоди, я придумала. – Сказала мама. – Лёка, хочешь прокатиться?

И вот Лёка уселась на санки. За спиной у неё был рюкзак, спереди она обхватила мешок. А мы с мамой взяли за верёвочку.

– Ну, тронулись, – сказала мама, и мы покатали санки по утоптанной тропинке.

И тут же забылись и автобус, и хмурая тётя, и даже щипание в пальцах. И началась сказка.

Стены расступились. Тропинка повела нас через широкий, светлый двор. Кругом возвышались гигантские горные массивы с окнами. В окнах на все лады перемигивались гирлянды. Люди, проходящие мимо, смотрели на нас и улыбались. Снег был похож на пломбир и переливался под голубыми и жёлтыми фонарями. Какая-то собака в стороне носилась по этому снегу, валялась и всё пыталась уронить в него свою хозяйку. Сбоку от тропинки стояла снегурочка с глазами из веток и с красивой снежной косой. Ещё подальше красовался снеговик с палочкой вместо носа и в настоящей лыжной шапке.

– Галеевы нас, наверное, совсем заждались. Что ты, Настя, руки замерзли?

Я то и дело стала менять руки, сжимая то одну, то другую в кулак.

– Лёка, а ты не замёрзла? – спросила мама. Лёка закивала.

– Пробежишься?

Свёрток из шубы и шали опять кивнул.

Лёка слезла с санок, я налегла на мешок сзади, и мы – скорее, скорее! – дотопали до Галеевской многооконной стены.

Глава 5. Начало

– Ну вот, мы быстренько-быстренько добрались. – Сказала мама, пока открывалась дверь.
– Да-а, быстренько. Я тебе во сколько велела быть? – протянула, появляясь в дверях, наша тётя Эмма. Из-за неё выглядывали Саша, дядя Алик и Кирилл. Откуда-то вихрем вылетела Маша и бросилась обнимать наши шубы.

– Ты куда, холодно же! – воскликнула мама.

Но Маше всё нипочем.

Если нас поставить по возрасту, то получится лесенка. Только нас с Кикой надо поменять местами. Тогда самым маленьким в лесенке будет Саня Галеев, он ещё в подготовительной группе. Потом Лёка, Маша Галеева – Маша уже во втором. Потом я, а потом Кика. Хотя я его старше немного, но он меня здорово выше. Ещё Кика носит очки, и поэтому вид у него ужасно умный. Как у профессора.

– Ой, что это вы такое притащили, – весело сказал дядя Алик, папа Сани и Мани. Давайте, я помогу.

– Подарки дед Мороза, – сказал Саня и, хихикнув, нацелился ткнуть мешок пальцем.

– Цыц! – прикрикнула мама, и они с тётей Эммой уволокли мешок на кухню.

Пока мы раздевались, с кухни то и дело доносились возгласы тётки Эммы:

– Оля, ой, как хорошо. Какая ты молодец. Нет, ну какие же вы молодцы. Как всё довезли-то?

Я стояла в дверях большой комнаты, глядя на яркий свет. Руки щипало. Сильнее и сильнее. Сунуть под воду, или лучше не надо? А тут ещё начали согреться пальцы на ногах. Уя, уя, уя! И почему я валенки не надела? Пришлось наклониться и обхватить пальцы руками. Я увидела, как мама с Лёкой вышли в коридор, и мама растирает Лёке ладошки.

– Вот. Теперь пойдём, под тёплую водичку. Настя, ты как?

– Нормально, – сказала я и поморщилась. – Уже проходит.

– Все равно. Иди-ка сюда, погреем.

– Это старый-престарый фильм, – сказала тётя Нина, Кикина мама, со своего места. – Там играет настоящая укротительница тигров. Посмотрите, хороший фильм.

– Лёка, – сейчас же предложила Маша, – давай мы будем укротительницы. А это будут наши тигры – она показала широким жестом на всех, кто сидел вокруг стола.

– Я тигр, я тигр, – тут же Саша сорвался с места и принялся на них с Лёкой наскакивать.

– Цыц, дети, тихо, – скомандовала тётя Нина, и воцарилась тишина.

Тётя Нина держала на руках Петьку Галеева. Петьке было всего восемь месяцев. Он удивлённо смотрел вокруг и медленно тянулся ко всему, что видел перед собой. Тетя Нина то и дело вытягивала из его кулачка то край скатерти, то свой рукав, то кончик причёски.

– Ой, Петюнька, Петюнька, – обрадовалась мама, войдя в комнату, – Нина, давай, теперь я подержу.

– Ты только, Оля, осторожно. Убирай от него все предметы, а то он их на вкус пробует.

Мама с удовольствием взяла Петьку на руки. И стала следить, чтобы он не дотянулся до посторонних предметов. Оглянуться не успела, а собственные очки уже у Петьки во рту. Петька принялся исследовать дужки и стёкла, и отобрать у него очки никак не получалось. Стоило отнять от одной дужки цепкий кулачок, как он уже вцеплялся в другую. В конце концов, мама отобрала свои щедро поспонявленные и слегка погнутые очки, а тетя Нина, смеясь («Вот так, Оля, вот так. Да»), протянула ей погремушку.

И я обратилась к фильму.

Посмотрела-посмотрела, да и отвлеклась.

Ёлка стоит у окна, рядом с тётининим креслом. У Галеевых она тоже искусственная, как и у нас. Вот мы с мамой были в одних гостях, там настоящая. Но мне настоящую жалко. И маме тоже.

На ёлке блестят игрушки. Шары, сосульки, фигурки. Есть мишура. Даже дождик есть, потому что у Галеевых нет кота. А гирлянда – из тонких стеклянных трубочек на прищепках. Но она пока не горит. Взрослые говорят, вот придёт новогодняя сказка – тогда и гирлянда включится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.